

Е.Б. СЫДЫКОВ, Ш.А. КУРМАНБАЕВА, Е.А. КУРМАНБАЕВ

(* Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, г. Астана,

** Казахский гуманитарно-юридический инновационный университет, г. Семей)

УРОВНИ ЦИКЛИЧНОСТИ РАЗВИТИЯ ТЮРКСКИХ КОЧЕВЫХ ОБЩЕСТВ ЕВРАЗИИ ¹

(Представлено академиком НАН РК Б.Е. Кумековым)

Аннотация

Рассмотрены факторы и этапы циклического развития кочевых обществ евразийских степей в древние и средние века. Освоение степных ландшафтов детерминировано, прежде всего, двумя факторами: кочевым способом хозяйствования (скотоводством), привязывавшем кочевников к ландшафтам аридных зон, и особенностями ландшафта и климатическими условиями, регулирующими площадь пастбищных угодий. Лимит пастбищ вынуждал выходить за пределы внутреннего круга кочевания, и в действие вступали иные факторы: мозаичность этноса, скрепляющая родовую структуру, и особая социально-политическая организация, базирующаяся на родовых отношениях. Тюрки-кочевники объединялись в союзы племен, завоевывали новые земли, образовывали кочевые империи. Развитие было нацелено на прохождение большого цикла по схеме кочевого возрождения: возникновение государственного образования – подъем – расцвет – могущество, затем – стагнация – распад – гибель. По этой схеме осуществлялась эволюция тюркских кочевых империй, каганатов. Кочевые племена возвращались во внутренний круг кочевания, чтобы впоследствии, дойдя до лимита роста, вновь выйти во внешний круг кочевания, пережить периоды всевластия и процветания, а потом – столь же длительные века упадка и бесславия.

Ключевые слова: степи Евразии, древние тюрки, факторы и циклы кочевания.

Түйін сөздер: еуразияның даласы, ежелгі түріктер, көшіп жүрудің факторлары мен кезеңдері.

Keywords: steppes of Eurasia, ancient Turks, factors and cycles of nomadism.

¹ Статья подготовлена по гранту Республики Казахстан, номер госрегистрации 0112РК02908.

Способность к возрождению, то есть умение выживать в экстремальных природных и геополитических условиях, обретать устойчивое развитие и идти к процветанию, присуща в истории многим культурам, не только тюркскому миру. Динамика возрождения в любом случае разная, что естественно. Каждая культура создавала свои формы бытия, наилучшим образом соответствующие занятой экологической нише. И в немалой степени это справедливо по отношению к кочевым культурам, существование которых целиком зависело от адаптации к географической среде и оптимальной утилизации скудных ресурсов аридной зоны. Особая цикличность развития тюркских кочевых обществ, обусловленная специфичными факторами возрождения, позволяющая четко выделить последовательные миграционные этапы, составляет предмет исследования в настоящей статье.

Исследователи номадизма справедливо полагают, что кочевое скотоводство – наиболее эффективный способ использования аридных зон планеты [1]. Кочевничество, по сути, вросло в живую ткань природы, превратилось в ее органичную часть. И природа, в свою очередь, стала ответным фактором кочевого возрождения. Освоение степных ландшафтов Евразии в древнее время и средние века тюркоязычными кочевыми обществами являет пример экологичного бытия в суровых природных условиях.

Феномен тюркского возрождения

Понятие тюркского возрождения в древнее время и средневековье обосновывается многочисленными историческими источниками и археологическими находками, свидетельствующими о непрерывной череде многовековых последовательных и параллельных процессов подъема, расцвета, могущества, а затем падения и распада союзов племен и кочевых империй. На месте гибнущих древних государств составлявшие их тюркские племена и рода образовывали со временем новые союзы, которые вырастали в каганаты и империи, чтобы вновь достигнуть могущества, а впоследствии пережить распад.

Выдающиеся древние литературные произведения – два больших тюркских рунических текста (Северная Монголия): выбитые в камне надписи в честь Бильге-кагана (род. в 683 г.) и Кюль-тегина (685–731) несут огромный заряд энергии, побуждающий и сегодня верить в сакральную предопределенность тюркского возрождения. «Когда было сотворено вверху голубое небо и внизу темная земля, между обоими были сотворены сыны человеческие. Над сынами человеческими воссели мои предки Бумын-каган и Истеми-каган. Сев на царство, они поддерживали и устраивали племенной союз и установления тюркского народа», – так эпически начинается Большая надпись в честь Кюль-тегина [2]. Надпись поэтична, стиль возвышен, а смысл повествования – в непреложности тюркского бытия и неизбежности прихода других поколений. Старинные рунические надписи, высеченные в камне, свидетельствуют о несомненной способности древних тюрков к возрождению и обновлению. Причем функционален лишь исторический образ, ибо концепция возрождения подразумевает наличие кочевого способа хозяйствования. А он был присущ кочевым обществам прошлого, но в гораздо меньшей степени сохранился на просторах Евразии сегодня.

Как бы то ни было, способность тюркских кочевых племен вновь и вновь выживать в жестокой борьбе с соседями, адаптироваться к экстремальным условиям аридной экосистемы, соблюдая особую кочевую стратегию природопользования, объединяться и вырастать до кочевых империй позволяет судить о тюркском возрождении как о закономерном явлении в этногенезе кочевых сообществ Евразии.

Разумеется, корректнее было бы говорить вообще о кочевом возрождении, не сужая исследование только тюркским миром. Однако нигде роль кочевников не была так велика, как в истории Евразии. И никакой другой народ не доминировал так часто на территории Евразии, как тюрки, если предполагать под этой дефиницией многочисленные племена и этносы древности, средневековья и современности, имеющие корневое языковое родство.

Определенно можно говорить о Западной Европе и Юго-Восточной Азии как о регионах, не испытавших заметного влияния в истории со стороны кочевников Евразии. А вот в Центральной Азии и Восточной Европе влияние кочевников было огромно. Кроме того, кочевники активно воздействовали на региональное развитие в течение продолжительных исторических периодов в Южной и Восточной Азии, на Ближнем и Среднем Востоке. И нередко в событиях доминировали именно тюрки-кочевники. Например, о значении кочевников на Ближнем и Среднем Востоке обычно судят в контексте отношений земледельцев и горожан с кочевыми скотоводами-бедуинами, тесно связанными между собой по причинам экологического и исторического порядка [3, с. 484-485]. Однако история мамлюков, которым в 1250 г. удалось захватить власть в Египте, меняет привычные представления. В 1260 г. мамлюки под предводительством Кутуза и султана Бейбарса разбили монгольскую армию при Айн-Джалуте и отвоевали Сирию, включая Дамаск. В 1419 г. мамлюки подчинили эмират Караманидов. Лишь в 1517 г. государство мамлюков было сломлено турками, но при этом сохранило привилегированный статус [4]. А ведь мамлюки Египта были рекрутированы из юношей-рабов в основном тюркского происхождения. И хотя следует признать справедливым мнение о том, что мамлюкская система была феноменом не кочевого, а оседлого, исламского общества, трудно забыть, что мамлюки по происхождению были тюрками-кыпчаками, то есть выходцами из страны Дешт-и-Кыпчак – так называлась евразийская степь в древности. Кыпчаком (тюрком) из рода берш (беріш) был и султан Бейбарс (1223–1277).

Безусловно, значительную роль играли кочевники Евразии в Китае. На протяжении более трех тысяч лет они оставались фактором постоянного давления на Китай. С III в. до н.э. до конца III в. н.э. земледельческий Китай и кочевые общества скотоводов-хуннов, существовали рядом [5]. Каждый этнос жил в своем ландшафте, но в совокупности с соседями входил в суперэтнические конструкции. В кочевой мир входили, кроме хуннов, тюркоязычные сяньби, цяны (кочевые тибетцы), малые юечжи, усунь, кыпчаки, другие племена. Нередко кочевники правили и обновляли династические циклы Поднебесной. Часто вторжения носили деструктивный характер. Однако известные технологические достижения Китая позволяли ему демонстрировать способность к возрождению, но иной природы, нежели кочевое возрождение.

Высока роль тюрков-кочевников в истории индийского субконтинента. Конечно, тюрк Махмуд Газневи (971–1030), эмир и падишах государства Газневидов, оставил

недобрую славу, опустошив Северную Индию в семнадцати походах. Под флагом священного джихада против неверных он подчинил Восточный Иран, южную часть Средней Азии, Хорезм, овладел богатствами всего Джамна-Гангского двуречья, а также княжества Анхилвара (Гуджарат). Тем не менее вклад тюрков в развитие Индии значителен. В империи Великих Моголов в том числе тюркскими зодчими были возведены мавзолей Тадж-Махал и Жемчужная мечеть в Агре, мечеть Джамии Масджид в Дели, тронные залы Диван-и-Ам, Диван-и-Хас в Фатехпур-Сикри. Первый премьер-министр Индии Джавахарлал Неру (1889–1964) писал: «Завоевание Индии тюрками, афганцами и Моголами привело к быстрому развитию связей Индии со Средней и Западной Азией. В XV веке (примерно в эпоху европейского Возрождения), при Тимуридах, в Самарканде и Бухаре, находившихся под сильным влиянием Ирана, начался расцвет культуры. Правитель династии Тимуридов Бабур вышел из этой среды и воцарился на делийском троне... Могольские правители Индии поддерживали теснейшую связь с Ираном, и множество ученых и художников прибывало из-за границы искать славы и богатства при блестящем дворе Великого Могола» [6].

Методологическое примечание: разумеется, не все тюрки – кочевники, не говоря о том, что не все кочевники Евразии – тюрки. Но особая роль тюрков в истории Евразии позволяет сконцентрировать внимание на тюркских кочевых племенах и сообществах. Тюрки не только играли роль посредников, но и развивали собственную культуру, которая известна в значительно меньшей степени, чем культура оседлых стран. «Причина, конечно, не в том, что тюрки и другие кочевые племена были менее одарены, чем их соседи, – писал Л.Н. Гумилев, – а в том, что остатки их материальной культуры – войлок, кожа, дерево и меха – сохраняются хуже, чем камень, а потому среди западноевропейских ученых возникло ошибочное мнение, что кочевники были “трутнями человечества” (Виоле ле-Дюк). Ныне археологические работы, проводимые в южной Сибири, Монголии и Средней Азии, ежегодно опровергают это мнение, и вскоре наступит время, когда мы сможем говорить об искусстве древних тюрков. Но еще более, чем материальная культура, поражают исследователя сложные формы общественного бытия и социальные институты тюрков: эль, удельно-лестничная система, иерархия чинов, военная дисциплина, дипломатия, а также наличие четко отработанного мировоззрения, противопоставляемого идеологическим системам соседних стран» [7].

Тема возрождения необъятна. Ограничим ее тюркским кочевым возрождением. Оно исторично и циклично. Тюркские кочевые союзы племен, вождества и империи веками развивались, достигали расцвета, а потом распались, чтобы составлявшие их племена впоследствии вновь шли к вершинам, но уже в составе других союзов племен и каганатов.

Цикличность кочевого бытия

В мире многое циклично и устроено по закону подобия. Старинные концепции, несомненно, отражают первые смутные подозрения ученых о цикличности истории. Китайский историк Сыма Цянь (145–90 гг. до н.э.) принцип цикличности сформулировал кратко: «Путь трех царств кончился и снова начался» [8].

Кочевое возрождение, понимаемое как историческое развитие, в принципе взаимосвязано с цикличностью кочевого способа хозяйствования, что отмечалось неоднократно: «Динамичность экологической ниши, занятой кочевничеством, определялась прежде сезонно-зональным характером функционирования и локализации практически всех ресурсных элементов среды обитания, – писал, например, Н.Э. Масанов. – Зональность почв и растительного покрова, ландшафтная градация в сочетании с сезонным характером продуктивности биоценозов, выпадения атмосферных осадков и полноводности водных источников, облачности, термического режима и циркуляции воздушных масс являлись в совокупности ведущим фактором в развитии и становлении номадизма. Особенно важную роль играл фактор посезонной продуктивности растительного покрова, в наибольшей степени побуждавший скотоводов к периодическим миграциям» [9, с. 30]. Аридность климата, недостаточность кормов и воды требуют от кочевников сезонных перемещений в поисках пастбищ. Поэтому кочевой образ жизни тюркских племен, особая цикличность бытия, когда племена и отдельные семьи кочевников постоянно возвращались на места прежних зимовок и летовок, – это наиболее эффективный способ адаптации к изменчивости природных ресурсов среды обитания, возможность обеспечить скот кормами и водопоями [10]. А там, где скот, там для кочевника – жизнь.

Таким образом, сезонное движение со скотом по замкнутому контуру ареала кочевания – это первый, внутренний и наиболее очевидный цикл кочевого бытия.

В результате абсолютной зависимости кочевого образа жизни от природно-климатических условий на поступательное развитие кочевого общества начинали оказывать влияние ограничительные факторы. Лимитировался прирост населения, что усугублялось межплеменными войнами. При натуральном хозяйстве территория может прокормить ограниченное количество людей, входящих в геобиоценоз как верхнее, завершающее звено. Чрезмерный прирост населения вел к истощению природных ресурсов, а попытки расселения – к жестоким конфликтам. Переселение же в далекие страны было достаточно сложно.

О цикличном и лимитированном характере кочевого способа хозяйствования известно издревле, об этом писали и пишут все серьезные исследователи номадизма. Согласно обзору А.М. Хазанова, еще Фредерик Барт и ряд других ученых считали проблему лимита развития вопросом баланса между численностью населения, наличием природных ресурсов (корм, вода) и поголовьем скота [11]. «Экстенсивный характер экономики не допускает постоянного решения проблемы баланса за счет интенсификации производства и тем самым обрекает кочевое скотоводство на стагнацию», – считает А.М. Хазанов [3, с. 155-156], и с ним можно согласиться по первому положению, но не по второму. Достигнув насыщения в допустимом ареале кочевания, стада не росли в численности. Это сдерживало прирост населения. Но называть такое положение стагнацией, то есть неподвижным состоянием, вряд ли правильно. Лимит роста способствовал цикличности бытия. Численность населения была стабильной, благодаря чему сохранялись природные ресурсы степей. Но пребывание в состоянии лимита развития невыносимо, и в древности кочевники чаще всего пытались решить проблему силовыми методами, путем захвата новых территорий. В случае успеха обеспечивались два преимущества: приобретение новых пастбищных земель и ослабление нагрузки на используемые земли. Но начинали

действовать другие механизмы цикличного развития, приводившие к росту, войнам, завоеваниям, к созданию больших империй, а затем и падению союзов племен.

Считается, что создание и распад кочевых империй – это непреодолимый барьер, детерминированный жесткими экологическими условиями аридных степей [9; 12; 13]. Поэтому можно говорить о цикличности процессов социальной эволюции у кочевников-скотоводов [14, с. 113]. Но сами кочевники просто жили, приспосабливаясь к суровым условиям жизни в степи. И в какие-то периоды времени действительно могли оказаться на разных этапах развития, а то и вообще выпадали из эволюционного процесса, разгромленные соседями, спасаясь с остатками племени и скота в отдаленных горных ущельях.

Но в целом достаточно ясно выделяются главные факторы, которые не только ограничивали рост численности кочевого общества, но и опосредовали цикличность бытия и кочевое возрождение. Основных факторов два – природные условия и кочевой способ хозяйствования. Они же обнажают неожиданную сторону кочевого общества и кочевого способа хозяйствования: стабильность предельной численности населения, которая почти не менялась веками и тысячелетиями. Например, численность населения у древних хунну и количество скота сопоставимы с численностью монголов начала XX в. и поголовьем стад [13, с. 264-265; 15]. В частности, количество скота на душу населения у хуннов, обитавших на территории современной Монголии, совпадает с количеством скота на душу населения у монголов Автономной Монголии в 1918 г.: 19 и 17,8 голов соответственно [16]. Другой факт: хотя по сравнению с 1918 г. население Монголии к 1960 г. удвоилось, численность населения в степи осталась практически неизменной. Прирост населения приняли города [17].

Устойчивая численность кочевий является следствием глобальной цикличности бытия. Кочевой мир должен был возвращаться раз за разом в свои пределы. И эта устойчивость создает у исследователей иллюзию замедленности развития кочевого общества, ведь они изучают повторяющуюся из года в год однообразную жизнь с сезонными кочевками по извечным родовым маршрутам кочевания. А.М. Хазанов в 1975 году писал: «Л.Н. Гумилев усматривает в тысячелетиями стабильной численности народонаселения у кочевников “оригинальный способ этнического существования, непохожий на привычные нам, но отвечавший потребностям самих кочевников” [18]. Я вижу в этой стабильности еще одно доказательство тупикового и застойного характера кочевнической экономики» [13, с. 266].

У казахского исследователя Ч.Ч. Валиханова (1835–1865) в работе «Записка о судебной реформе» есть строки: «Народ наш имеет богатую и не лишенную поэтических достоинств растительную литературу, более близкую к индогерманскому эпосу, чем к восточным произведениям этого рода» [19]. В тексте академического издания редактор к словам «растительную литературу» сделал сноску: «Искажение переписчика, должно быть: *замечательную литературу*». Между тем никакого искажения, скорее всего, нет. Чокан Валиханов не ошибался. Растительная литература... растительная, замедленная жизнь. Нечто подобное заметил Лев Гумилев у Ильи Эренбурга в описании французских крестьян: «И.Г. Эренбург устами своего героя – французского школьного учителя

определяет их так: “Это не люди, это злаки”, чем, незаметно для себя, формулирует влияние ландшафта на этнос, в аспекте физической географии» [20].

Правильно ли считать, что народы, не преобразовывающие природу, примитивны или малоразвиты? Хунны, древние тюрки и монголы создавали устойчивый быт, своеобразную технику, литературу, свою государственность. Постоянно соприкасаясь с китайцами, они не заимствовали письменность, социальные институты или обычаи. Самобытность кочевников определялась способом ведения хозяйства, приспособленным к кормившему их степному ландшафту. Кочевники составляли неотъемлемую часть ландшафта. Именно сочетание климатических и ландшафтных условий, а также способ хозяйствования в совокупности с социально-политическими факторами, а не «тупиковый» характер экономики, обусловили ограничение численности населения кочевых империй и союзов племен Евразии.

Между тем ряд исследователей продолжает связывать спасение древних и средневековых кочевых обществ Евразии с внешним миром, с инкорпорированием кочевников в структуру оседлых государств: «Для того чтобы перешагнуть рубеж, отделяющий ранние государства от более развитых, кочевое общество должно было быть интегрированным (по крайней мере, частично) в единую социально-экономическую и политическую систему с оседлым. В результате кочевое государство превращалось в государство, созданное кочевниками, но покоившееся на земледельческой и городской основе... У государств, созданных кочевниками евразийских степей, всегда был кочевой хинтерланд. Кочевники этого хинтерланда нередко повторяли цикл развития, уже пройденный их предшественниками. Этим, наряду с рядом иных причин, объясняется не только обратимость социально-политических процессов у кочевников, но и обратимый, преходящий характер самой их государственности» [3, с. 407-408]. То есть цикличность в развитии кочевых обществ в данном случае понимает как периодическое интегрирование в структуру оседлых государств и постепенное растворение среди земледельцев и горожан. И вердикт: «С уверенностью можно утверждать лишь одно: возврат к традиционному кочевому скотоводству не только нежелателен по причинам социального и иного порядка, но и просто едва ли реален в начале XXI века, когда мир вступает в эпоху экономической (а в известной мере даже культурной) глобализации» [3, с. 59].

Концепция зависимости кочевников от оседлых культур находит крайнее выражение в теории даннических отношений кочевников и покоренного ими оседлого населения, которые реализуются в не всегда упорядоченных вассально-даннических формах коллективной зависимости и эксплуатации: «Стабильность степных империй напрямую зависела от умения высшей власти организовывать поставку шелка, земледельческих продуктов, ремесленных изделий и изысканных драгоценностей с оседлых территорий. Поскольку эта продукция не могла производиться в условиях скотоводческого хозяйства, получение ее силой или вымогательством было первоочередной обязанностью правителя кочевого общества. Будучи единственным посредником между Китаем и Степью, правитель хуннского общества имел возможность контролировать перераспределение получаемых из Китая добычи, “подарков” и дани, посредством чего он усиливал свою собственную власть. Одновременно это позволяло ему сохранять империю, которая не могла существовать на основе экстенсивной скотоводческой экономики» [14, с. 129]. Завоевательная политика и военная добыча много значили в жизни кочевников. Но

насколько была высока роль дарообмена в историческом развитии кочевых обществ? Действительно ли покорение оседлых земледельцев и вымогание дани шагом к ассимиляции в оседлой среде, которая и завершала очередной цикл кочевого развития?

Есть известные примеры. Китайские чиновники советовали своим императорам пользоваться политикой «пяти искушений», считая, что варваров можно легко развратить подарками [21]. Того же мнения был и Платон Карпини, монах-минорит, совершивший в 1245–1247 гг. путешествие к монголам по заданию Папы Иннокентия IV: «Как князья, так и другие лица, как знатные, так и незнатные, выпрашивают у них много подарков, а если они не получают, то низко ценят послов, мало того, считают их как бы ни во что; а если послы отправлены великими людьми, то они не желают брать от них скромный подарок, а говорят “Вы приходите от великого человека, а даете так мало?”» [22, с. 40].

Между тем считается, что монгольские правители демонстрировали презрительное отношение к богатству. Часто приводится пример о том, как Хулагу-хан, взяв Багдад в 1258 г., пытался заставить плененного халифа есть золото из его сокровищниц. Халиф возразил, что золото несъедобно. Хулагу в гневе воскликнул: «Почему ты тогда это копил, вместо того чтобы отдать своим воинам!» [23]. Что, впрочем, не помешало Хулагу потопить Багдад в крови и забрать с собой все золото халифата. «В конце дня, в среду 14 числа месяца сафара лета 656 в деревне Вақф-дело халифа казнили вместе со старшим сыном и пятью слугами, которые при нем состояли», – сухо информировал Рашид ат-Дин [24].

Все же данничество в отношениях кочевников и подчиненного оседлого мира носило, видимо, вторичный характер, поскольку подарки от покоренных народов обычно демонстративно раздаривались или даже уничтожались кочевниками на праздниках [14, с. 271]. Возможно, правители и формировали через развитие обменных связей сеть зависимых лиц и должников, которые не могли сделать ответный подарок. Но дальше дело не шло. Быть определяющим фактором эволюции кочевого общества данничество не могло. Поэтому не подчинение и завоевание оседлого населения с последующим растворением в среде горожан и земледельцев определяло циклический характер развития кочевых обществ – это было следствием, а не причиной. В первую очередь важнейшим фактором был кочевой способ хозяйствования, подчиняясь ритмам которого, шли кочевники евразийских степей по жизненному кругу – от рассвета до заката, от кочевья к кочевью, от одних степных пространств к другим в поисках счастья. И цикличность развития проявлялась на разных системных уровнях: в движении кочевых племен и родов по кругу кочевания, в пространственных миграциях с освоением новых территорий (западные завоевания, покорение оседлых культур) и в многовековых циклах зарождения, подъема, расцвета и последующего распада тюркских кочевых империй.

Факторы кочевого возрождения

Евразийская степь хорошо приспособлена для жизни кочевого человека. В статье «Изменение климата и миграции кочевников» Л.Н. Гумилев писал: «Наша планета имеет важную особенность – зональность. Для выяснения рассматриваемой проблемы из всех зон важна азиатская степь. Она как нельзя лучше приспособлена для жизни человека.

Зеленый ковер калорийных трав поедается скотом, превращаясь в жирное мясо и мягкую шерсть. Кочевой быт позволял степнякам использовать все богатства природы и экономить силы, которые шли на создание оригинальной культуры, фольклора, мифологии и разнообразных социальных систем, как то: орд, племенных союзов, а позднее и теократий, способных противостоять агрессивным тенденциям цивилизованных земледельческих государств, в первую очередь Китая. Полоса пустынь отделяет степь от Китая и в древности служила барьером против китайских войск, врывавшихся в степи. Несмотря на грандиозные усилия династий Хань, Суй и Тан, истощивших свою богатую и многолюдную страну, хунны, тюрки и уйгуры смогли отстоять свою независимость, а монголы в XIII в. перенесли войну в Китай и одержали полную победу» [25]. В этот текст ученый не стал помещать информацию о поражениях кочевников Великой степи, о падении кочевых империй и распаде тюркских каганатов. Наверное, он прав, ибо за гибелью союзов кочевых племен неизменно шло возрождение, после заката всегда наступал восход. А источники кочевого возрождения просматриваются ясно; это – природа степи и кочевой быт, кочевой способ хозяйствования. Другой фактор – социально-политическая организация – достаточно общая категория, присущая любым государственным образованиям, проявляющая, конечно, свои особенности в тюркском кочевом мире.

В разные эпохи родственные по языку прахунны, хунны (XI в. до н.э. – II в. н.э.), древние тюрки (V-IX вв.) и монголы (XII-XIV вв.) удерживали натиск Китая на границе степей. Эти схожие достижения были результатом сочетания одних и тех же природных условий и социально-политических обстоятельств. У хуннов, тюрков и монголов была одна и та же система кочевого хозяйства при резких колебаниях климата, плюс необходимость постоянного сопротивления агрессии – ханьской, танской, минской. Отсюда – сходство характера социальных отношений и этнических целостностей, которое подтверждается родством языка основных родовых групп.

О наличии тюркоязычных сообществ в среде прахуннов и хуннов существует много отрывочных сведений. Тюркоязычные народы в западной части Центральной Азии были известны в глубокой древности начиная с III в. до н.э., когда термина «тюрк», вероятнее всего, еще не существовало. Единого народа, говорившего по-тюркски, историей не зафиксировано, но в среде хуннов говорили на тюркских диалектах. Французский этнограф Ж.-П. Абеля-Ремюза (1788–1832) считал, что когда китайцы говорят о народах тюркских, то относят их к потомкам хунну: «Если вероятно, что империя Хунну, рассматривая на всем ее большом протяжении, заключала в себе многие тунгузские, монгольские, сибирские, готские и, может быть, финские племена, тем не менее, можно сказать наверно, что главное ядро и господствующий народ были тюрки» [26]. Кроме Абеля-Ремюза из тюркской принадлежности хуннов исходил Ю. Клапрот. В чистом виде эта гипотеза впервые была обоснована в статьях К. Сиратори в начале XX в. [27]. В частности, Куракити Сиратори доказывал, что известные хуннские слова – тюркские, и единственная хуннская фраза, дошедшая до нас, – тюркская [28]. Финские ученые М. Рамстедт и М. Кастрен высказывали мнение, что хуннский язык был общим для предков тюрков и монголов [29]. Л. Лигети оставил вопрос о хуннском языке открытым, ссылаясь на то, что хуннское слово, обозначающее, в его понимании, «сапоги», известное в китайской транскрипции, звучит как «сагдак» и не имеет аналогий ни в тюркских, ни в

монгольском языках [30]. Остается заметить, что слово «сагдак» (садак, саадак, сагадак, согодак) на всех тюркских языках означает набор вооружения конного лучника. Сам Лигети указывал, что сомнения в тюркоязычии хуннов основаны на анализе «культурных слов», которые часто оказываются заимствованными, что объяснимо, поскольку контакты хуннов с соседями было длительными. Кроме слова «сагдак», китайские источники содержат несколько десятков хуннских терминов и личных имен, многие из которых допускают тюркские и персидские этимологии.

Что касается тюркской составляющей в Монгольской империи, то она не менее значительна, если учесть, что монголами, по сути, в ту пору были и многочисленные тюркские племена, входившие в состав Монгольской империи.

До сих пор нет удовлетворительного определения понятия «монгол». Однако стоит обратить внимание на формулу Л.Н. Гумилева: «Монголы – условное название для группы монголоязычных племен. Самое слово “монголы” возникло из политического термина XIII в., означавшего сторонников Чингисхана» [31]. Несмотря на противоречивость суждения (если есть монголоязычные племена, то должны быть монголы, но их нет: название условно), ученый не ошибался: «монгол» – не этноним. Уточнения пытался дать академик Б.Я. Владимирцов (1884–1931). Он писал в 1922 г.: «В XII веке пространства, лежащие на север от Китая и Восточного Туркестана, составляющие теперь южную полосу Сибири и Монголию, были населены разными племенами кочевников и звероловов. Большинство этих племен принадлежало к монголам, но в ту пору они сами себя еще не называли монголами. Впоследствии все они приняли это имя, монголами же называют себя и их потомки, сохранившиеся до сих пор, монголами же их, разумеется, называет и европейская наука, причем на основании разных этнографических признаков, по языку, например, признает монголов народом, родственным туркам (тюркам) и манджуро-тунгузам» [32]. Однако позже, в 1929 г., Б.Я. Владимирцов в каноническом труде «Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия» иначе объяснял, что следует понимать под монгольским языком: «Монголы говорят на многих наречиях и говорах. Общего же монгольского языка не существует вовсе... Все монголы по языку говорят на монгольских наречиях, на монгольских говорах, в той или иной степени отличающиеся друг от друга» [33]. Ученый не смог обнаружить монгольского языка в первой трети XX в. – «монгольского языка не существует вовсе» (сегодня монгольским языком принято считать язык халха – самого многочисленного этноса Монголии), не нашел его и в эпоху Монгольской империи, встречая в основном следы тюркских наречий. Но тогда правы, скорее всего, те, кто определяет слово «монгол» как политический термин². И в таком понимании Монгольская империя, основанная Чингисханом, – *Yeke Mongyol ulus* (воспроизведено в транскрипции П. Пеллио с печати Гуюк-хана [22, с. 194]), Улус Великих Монголов – это союз не только тюркских племен, как в существовавших до нее тюркских каганатах, а держава многих разноязычных племен, в том числе тюркоязычных. Были в составе империи и маньчжуроязычные племена. Тысячи отрядов составляли империю. И слово «монгол» означало принадлежность к империи, достойное в ней представительство. Быть монголом в Монгольской империи было так же почетно, как

² На тюркских языках «мын кол» означает многотысячную армию: *мың қол* (каз.) – тысяча отрядов, тысяча полков.

быть римлянином в Римской империи. По сути, монголы – это имперское воинство. Римского языка не существовало, были языки разных народов Римской империи. Точно так же не существовало монгольского языка (Б.Я. Владимирцов прав). В Монгольской империи были в ходу разные языки, но государственным, судя по ряду исторических памятников, был один из диалектов тюркского языка. И поэтому, анализируя кочевое возрождение в эпоху Монгольской империи, можно с достаточным основанием говорить о тюркском кочевом возрождении, ибо тюркские племена составляли основу империи, пережили с ней взлет, победы, могущество и славу, высочайшее напряжение и смертельную усталость, распад и одиночество.

Резюмируем: жизнь кочевников извечно правилась двумя императивами – кочевым способом хозяйствования (кочевым скотоводством) и экологией (ландшафтом и климатическими условиями). Именно они, точнее, прежде всего они, повелительно принуждали рода и племена ежегодно кочевать по оптимальным маршрутам, обеспечивающим жизнь скоту и людям. Эти два императива сближали вождей племен, и они создавали кочевые государства – племенные союзы и великие каганаты, бросали свои армии на крепостные стены городов соседних государств, подчиняя земледельцев и горожан, и шли на Запад, чтобы «завоевать весь мир». Именно эти особенности развития кочевого общества позволяют говорить о тюркском возрождении в историческом измерении.

Мысль не нова, фрагментарно она издавна присутствует во многих изысканиях. Еще в девятнадцатом веке российские исследователи подмечали природную обусловленность почти всех сторон кочевого способа хозяйствования казахов [34]. М. Красовский писал в 1868 году: «Кочевой образ жизни народа есть следствие территориальных особенностей степи, способствующей разведению домашнего скота и более или менее препятствующей развитию всех остальных отраслей промышленности» [35]. А уже в первой трети XX в. Н. Мацкевич рассуждал о гармоничном характере кочевого хозяйства казахов: «Казакское кочевое, скотоводческое хозяйство складывалось под влиянием своеобразной естественно-исторической обстановки и являет собой яркий пример приспособляемости человека в своей хозяйственной деятельности к природным условиям вообще, а также и к тем изменениям этих условий, которые происходят в результате воздействия на них деятельности человека» [36]. Системное заключение дал Н.Э. Масанов: «Функционирование кочевого скотоводческого хозяйства как особого типа производственной деятельности во многом детерминировалось географической средой. Поэтому кочевничество существовало только лишь в локальных пространственно-исторических границах с определенной амплитудой климатических условий жизнедеятельности в особых экологических нишах. Вследствие этого оно было тесно взаимосвязано с природными ресурсами среды обитания и посредством антропогенных процессов было органически включено в окружающую среду» [9, с. 21].

Свою типологию факторов кочевого возрождения в неявном виде предложил А.М. Хазанов: «Условно все виды скотоводства можно рассматривать как различные способы хозяйственной адаптации, параметры которой, если временно оставить в стороне социополитические факторы, в конечном счете определялись уровнем технологического развития и экологией. При этом кочевое скотоводство является формой крайне специализированной в хозяйственном и отчасти культурном отношениях. В этом

отношении его можно рассматривать как ответ на условия, диктуемые природно-географическим фактором, и притом ответ успешный, потому что из всех видов традиционного производящего хозяйства именно кочевое скотоводство смогло освоить и эксплуатировать потенциальные ресурсы обширных экологических зон» [3, с. 153]. В этом суждении к кочевым обществам Евразии имеет отношение в качестве фактора возрождения экология. А вот уровень технологического развития более показателен для полуседлых и оседлых хозяйств. В кочевом скотоводстве технологии претерпели мало изменений в течение тысячелетий и мало нуждались в новациях. Поэтому правильнее выделять в качестве основного фактора кочевого возрождения не уровень технологического развития, а кочевой способ хозяйствования (кочевое скотоводство), что опосредуется динамикой исторического процесса. Так, на рубеже XI-X вв. до н.э. в степях Центральной Азии сложился комплекс кочевых этносов, в котором ведущую роль играли хунны. В него в разное время входили также динлины, дунху, усунь, кочевые тибетцы. Много сил хунны тратили на противостояние с Китаем, сумев сохранить целостность державы до конца I в. н.э. Разгромленные сяньбийцами в 93 г., они раскололись на четыре части. Одна часть смешалась с сяньбийцами, вторая ушла в Семиречье, третья – еще дальше, в Европу, а четвертая часть вошла в Китай, где и распалась. Многовековая история борьбы древнего народа хунну за жизненное пространство отчетливо воспринимается как часть вполне определенного этапа кочевого возрождения.

Следующий подъем тюркоязычных кочевых этносов имел место в середине VI в. Результатом явилось создание Тюркского каганата, объединившего обитателей степей от северо-восточного Китая до Черного моря. По масштабам каганат превосходил хуннскую державу. За его двухсотлетнее существование до гибели каганата в 745 г. тюрки вели непрерывные войны с империями Суй и Тан, Ираном и Арабским халифатом, а также с завоеванными степными племенами, особенно с уйгурами. И вновь – очевидное соответствие ритмам кочевого возрождения. Тюркский каганат прошел все этапы циклического развития: рост численности племен до определенных пределов, расцвет, могущество в составе каганата, а после – упадок, распад, переход в мозаичное племенное состояние.

Один из самых ярких исторических этапов кочевого возрождения – становление, могущество и последующий распад Монгольской империи. Что способствовало победам монголов? Почему за расцветом последовал распад? Более того, чем были вызваны многократный подъем и упадок других кочевых обществ, обладавших неизменно в течение нескольких тысячелетий одним типом хозяйства – кочевым скотоводством, которое мало нуждалось в технологических усовершенствованиях и оптимально приспособлено к ландшафту?

Могущество Монгольской империи венчало два тысячелетия развития кочевой культуры. Разнородные племена, в том числе тюрки, в составе монгольской армии, усиленные за счет ресурсов завоеванных стран, покорили две китайские империи – Кинь (северную) и Сун (южную), вторглись в Переднюю Азию и Восточную Европу. Однако в XIV в. жестокий кризис привел Монгольский улус к упадку и развалу. Одним из обстоятельств, вызвавших кризис, был тот же ресурс, который вначале обеспечил развитие: вхождение кочевников в новые ландшафты аридной зоны. Численность населения в кочевом обществе определяется количеством пищи, то есть скота, поголовье

которого лимитируется площадью пастбищных угодий. Достигнув предела роста, Монгольская империя распалась на части. Сработали известные факторы: кочевой способ хозяйствования, жестко привязывавший кочевые общества к ландшафтам аридных зон, и экология кочевания: площадь пастбищных угодий, регулируемая особенностями ландшафта и климатическими условиями.

Но какие обстоятельства способствовали созданию кочевых государств и затем цементировали кочевые общества? Вопрос трудный, ибо принципы создания кочевых каганатов, империй, несомненно, были иными, нежели те основания, которые определяют признаки государства в мире оседлости. Распространенное мнение: «Исследователи, изучавшие культуру кочевников-скотоводов изнутри, свидетельствуют, что с экологической точки зрения кочевники не нуждались в государстве. Специфика скотоводства предполагает рассеянный (дисперсный) образ существования. Концентрация больших стад животных в одном месте вела к перевыпасу, чрезмерному вытаптыванию травостоя, увеличению опасности распространения заразных заболеваний животных. Скот нельзя было накапливать до бесконечности, его максимальное количество детерминировалось продуктивностью степного ландшафта... Данное обстоятельство обусловило то, что вмешательство предводителей кочевых обществ во внутреннюю экономическую жизнь было очень незначительно и не могло идти ни в какое сравнение с многочисленными управленческими обязанностями правителей оседло-земледельческих обществ» [14, с. 117]. Иное объяснение дает А.М. Хазанов: «История внутринеазиатских империй, от сюнну до монголов и, тем более, маньчжуров, отнюдь не представляет единый эволюционный ряд, в котором каждое новое государство достигало более высокого уровня развития, чем его предшественники. В отдельные периоды преемственность, действительно, была. Но она нередко прерывалась или обращалась вспять. К тому же развитие государств-преемников могло совершаться в иных направлениях, чем у их предшественников» [3, с. 400]. Полного учета факторов кочевого возрождения в этих суждениях нет. Авторы констатируют, что история кочевых государств прерывиста, не эволюционна. Но утверждение о том, что каждое последующее государство должно достигать более высокого уровня развития, оправданно в отношении оседлых культур. В случае кочевых обществ, действительно, нет эволюционного ряда, но иного быть не могло. Кочевое развитие фрагментарно, структура мозаична. В недрах кочевых союзов племен нужда в государственном аппарате возникала не всегда, экономические процессы осуществлялись в рамках отдельных племен и даже семей. А рост племен был ограничен факторами кочевого возрождения: природными условиями и способом хозяйствования (кочевым скотоводством). Лимит пастбищных земель и водных ресурсов препятствовал безграничному росту, прерывая поступательное развитие [12]. Отсюда – фрагментарность развития. Но вопросы остаются: «С известной долей уверенности можно предполагать, что многие важнейшие черты хозяйства, социальной организации, быта и, возможно, даже менталитета кочевников монгольских степей были детерминированы специфической экологией обитания подвижных скотоводов аридных зон и в своей основе мало изменились со времен глубокой древности вплоть до рубежа нового времени. В целом такая экологическая и экономическая адаптация предполагала достаточно ограниченный (а с точки зрения современного “цивилизованного” человека суровый) способ существования. “Бедный кочевник – чистый кочевник”, – сказал О. Латтимор. И самое удивительное, на какой основе хунну и их наследникам удалось

создать в степи грозные “кочевые империи”?» [14, с. 124]. Возможный ответ состоит в том, что кочевое общество обладало огромным жизненным потенциалом, который давал возможность раз за разом возрождаться кочевым империям из пепла. Такая точка зрения идет вразрез с концепцией, идущей из XIX в., согласно которой только оседлые народы создавали прогрессивную цивилизацию, а в Центральной Азии царили либо застой, либо варварство и дикость. Между тем самобытная степная культура переживала подъемы и упадки и явно не пребывала в застое. Причем источником созидательной энергии была, по мнению Л.Н. Гумилева этническая мозаичность: «Этническое разнообразие при различии хозяйственных систем и форм материальной культуры способствовало созданию оригинальных локальных культур. Начиная с глубокой древности во всей степной зоне различные варианты межплеменных археологических культур фиксируют те или иные этнические взаимоотношения и дают, таким образом, ответ на вопрос, поставленный выше: каким образом шло интенсивное развитие при относительно стабильном уровне техники и малом числе вариантов социальных структур? Полученные данные позволяют сделать вывод, что ведущими противоречиями в кочевой культуре Евразии были противоречия между отдельными племенами, отличающимися друг от друга хозяйственными навыками и способами адаптации к ландшафту» [37]. Именно адаптивные противоречия, иначе говоря этническая идентичность, родовые отличия, по мнению ученого, служили фактором устойчивого развития. Мысль заслуживает внимания, поскольку у тюрков-кочевников парадоксальным образом племенные различия, родовая идентичность, возможно, более всего способствовали этнической целостности. Например, казахское традиционное общество, разделенное на три жуза, каждое из которых вмещало десятки крупных племен и родов, стабильно существовало в составе Казахского ханства с середины XV в. [38; 39]. Большинство исследователей считают основным интегрирующим механизмом в этногенезе казахов политический фактор. Идея восходит к Чокану Валиханову, который зафиксировал «союз разных монгольских и турецких племен от Золотой и Джагатайской орды, соединившихся вследствие общих интересов и известных обстоятельств в одно политическое тело» [38]. Но после возникновения государственного образования – союза племен (Казахское ханство), свою роль стала играть мозаичность этноса как фактор укрепления единства нации.

Можно ли считать деление на племена и рода обязательной принадлежностью этноса? Безусловно, нет, ибо у многих народов на стадии классового общества отсутствовало родоплеменное деление. Однако отсутствие компенсировалось делением этносов на иные группы, не совпадающие с классовыми. Любое внутриэтническое дробление есть условие, придающее устойчивость этносу. Именно этническая и внутриэтническая мозаичность, цементируемая системными связями, способствовала консолидации кочевых обществ и созданию кочевых империй хуннов, древних тюрков, монголов.

Таким образом, внутриэтническую мозаичность, в частности, родовую структуру кочевых этносов, сцепляющую нацию, можно считать оригинальным фактором кочевого возрождения.

Алгоритм тюркского возрождения

Теория цикличности развития – не единственная эволюционная доктрина, она описывает исторические процессы чаще всего в первом приближении. Но вместе с тем, как показывают исследования А.Дж. Тойнби, других ученых, циклический характер развития государств и цивилизаций очевидно проявлялся в прошлом, а потому трудно надеяться возвести устойчивое здание современного общества без анализа исторических циклов. Важно знать, в том числе, и механизмы кочевого возрождения, которое интересно не только как глобальное явление в истории тюркских народов и не столько как греющее душу представление о величии древних тюркских каганатов и кочевых империй. Знание о прошлом должно помогать государству и гражданам понять «феномен сложности», осознать современные технологические возможности и управлять собственным развитием.

А глубина погружения в тюркскую историческую ойкумену значительна. Согласно известным научным сведениям, древнейшие очаги тюркского этно- и глоттогенеза неразрывно связаны с востоком Евразии – Южной Сибирью и Внутренней Азией. В течение тысячелетий, вплоть до первых веков н.э., тюркский этногенез проходил в восточной части горно-степной зоны Евразии. К западу от хребтов Алтая преобладали индоевропейские племена. История контактов различных групп древнего населения Центральной Азии на протяжении 2-2,5 тыс. лет и есть процесс, в ходе которого осуществлялась этническая консолидация и формировались тюркоязычные общности [40, с. 8]. Хронологически более точно сказать что-либо, по-видимому, трудно. Но и этого достаточно, чтобы иметь основание рассуждать о длительности тюркской истории.

Существуют разные гипотезы о причинах перехода скотоводов Евразии к кочевничеству, порой неоднозначные и противоречивые [9, с. 27–28]. Различие восточной и западной культур сказывалось на всем: на этнографических особенностях, дроблении языков на диалекты, искусстве, характере политического строя, что прослеживается в период в две тысячи лет. За это время здесь менялись стадии развития – родовой строй уступил место военной демократии и феодализму. В степи возникали и земледельческие поселения, но соотношение западного и восточного ареалов культур оставалось неизменным. Очевидно, имел место постоянно действовавший фактор, влиявший не на исторический процесс, а на характер этногенеза. Этим фактором, возможно, был характер увлажнения в степях Евразии. По сути, все миграции народов в древнюю эпоху были детерминированы природными условиями: влиянием климата на земледелие, на состояние ландшафтов и, через продуктивность пастбищ, на поголовье скота, а значит и на благосостояние кочевого общества. В первом тысячелетии до н.э. объективные изменения в географической среде привели к тому, что в условиях аридизации климата земледельческое хозяйство исчерпало себя, и скотоводы перешли к кочевому способу хозяйства. Преобразование типа хозяйства, переход с земледелия, оседлого скотоводства, собирательства и охоты на чисто кочевое скотоводство послужил побудительной причиной внутренних миграций. По мере увеличения количества скота кочевники вынуждены были осваивать новые пространства, расширяя ареалы кочевания [41]. И это стало причиной масштабных миграций, перекроивших этническую карту евразийской степи. На ведущие роли в региональной геополитике выдвинулись тюркоязычные племена и союзы племен, обнаружившие в это тысячелетие способность к возрождению, которое обеспечивал кочевой способ хозяйствования.

Обозрение тюркского глотто- и этногенеза позволяет дать ответ на актуальный вопрос XIX-XX вв.: можно ли рассматривать тюркский мир, то есть сумму тюркоязычных народов, имеющих корневое языковое родство, как исторический континуум? Злободневность вопроса определялась наличием двух ответов. Первый составляет сущность тюркизма (пантюркизма, по терминологии советских времен), в основе которого – идея политической консолидации тюркских народов на основе этнической, культурной и языковой общности [42]. Согласно этому течению, все тюркские народы – одна нация, а общей прародиной был Туран, то есть кочевой мир. Второй ответ противоположен первому: тюркского этнического единства не было, тюркские народы генетически связаны с территориями нынешнего обитания [40, с. 6]. Тезис об автохтонности тюркских народов не может быть принят как исторически обоснованный, поскольку из обзора тюркской кочевой истории следует, что прародиной тюркоязычных народов была Внутренняя Азия и часть Южной Сибири (но не Алтай) [40, с. 61-62]. В результате миграций тюркоязычных племен на территории Западной Сибири, Центральной Азии и южной части Восточной Европы стали появляться новые тюркоязычные народы. А многочисленные автохтонные племена Евразии были частично ассимилированы тюрками – сначала хуннами в первых веках н.э., затем древними тюрками в период существования каганатов, потом – кыпчакскими племенными союзами и Золотой Ордой уже во втором тысячелетии н.э. [40, с. 8]. На землях обособившихся улусов Монгольской империи Чингисхана после ее распада начался следующий этап тюркского этногенеза – утверждение новых союзов кочевых племен (пример – Казахское ханство) и смешение с субстратным населением. В большинстве случаев это был начальный этап формирования современных тюркских народов. Поэтому тезис об автохтонности современных тюркских народов опровергается историческими фактами. Однако и концепция пантюркизма не имеет под собой этнологического основания. Тюркоязычные племена давно вышли за пределы исторической прародины, вовлекая в свою этносферу другие народы. Современные тюркские народы имеют единые языковые корни, культуры народов волнующе близки. Но этническая идентичность модулирована особенностями ландшафта и климатическими условиями, а также преобразованиями в зоне этнических контактов. И не учитывать новые этнические особенности тюркских народов было бы неточно.

В заключение вновь выделим четыре круга цикличного развития тюркского мира. Первый круг – это внутренний круг кочевания отдельных семей, родов и племен, в основном, по схеме жайляу – кыстау (летние пастбища – зимние стойбища). И по сей день внутренний цикл остается базовым элементом кочевого хозяйства, если только кочевое скотоводство играет существенную роль в жизни общества. Второй круг – внешний круг кочевания, детерминированный переменой состояния ландшафтов и колебаниями климата и все тем же кочевым способом хозяйствования. Первоначальным толчком к выходу во внешний круг почти всегда было стремление кочевников обрести новые пастбищные угодья. Завершение цикла знаменовало возвращение к первому, внутреннему кругу кочевания. Но конфликты с субстратным населением были неизбежны. Третий круг – имперский, большой круг расширения союзов племен до размеров кочевых империй как следствие выхода во внешний круг кочевания. Выполнив первоначальную задачу обретения новых пастбищ, кочевники, расширив ареалы кочевания, были вынуждены решать политические задачи, связанные с применением военной силы. Консолидация в тюркские каганаты и завоевательные империи была неизбежной. Например, монгольские

ханы в XIII в. решали внешнеполитические задачи силой, и средства для войны давало им изобилие скота и людей. Современные российские ученые заключают из анализа исторических ситуаций, приводивших к возникновению кочевых империй, что завоевательный импульс был направлен не столько на расширение пастбищных территорий, сколько на подчинение территорий с иным хозяйственно-культурным типом: «На первом этапе завоевания фактором, определяющим его цели, является консолидация степных племен под властью одной династии и одного племени. Затем возникают стремления, реализуемые обычно в ходе военных акций, – поставить в зависимость от консолидированной военной мощи кочевников области и государства с более сложным устройством и более многообразной хозяйственной деятельностью. Такой баланс сил предполагает конечный итог – данническую зависимость или какие-либо другие формы непосредственного политического подчинения. Именно на этой стадии государства, созданные кочевыми племенами, преобразуются в империи» [40, с. 9].

А.М. Хазанов, капитально изучивший аспекты взаимосвязи кочевников с внешним миром, не касаясь проблемы зарождения кочевых империй, предложил выделить три основных типа государств, возникавших в результате подчинения или завоевания кочевниками земледельцев [3, с. 366–369]. Кочевые государства первого типа характеризуются тем, что подчинение и завоевание оседлого населения, в основном, реализовывалось в вассально-даннических или иных формах зависимости и эксплуатации. Иногда при этом оседлое население, лишь поставленное в вассальную зависимость от кочевого, сохраняло свое собственное государство, иногда кочевники и оседлые жители оказывались объединенными в составе государства. В государствах второго типа кочевники, земледельцы и горожане образуют единую социально-политическую и, отчасти, экономическую систему. Государства третьего типа характеризуются наличием единой социально-экономической и политической системы, в основе которой лежит разделение труда между скотоводами и земледельцами. Возникшие по одной из этих схем государства обычно входили в состав кочевых империй. Отпадение государств с оседлым населением от кочевых империй почти всегда совпадало с началом упадка последних, распада огромных империй на отдельные составляющие. Это явление в истории кочевых сообществ Евразии предопределяет наличие четвертого круга циклического развития тюркского мира. Четвертый круг – глобальный цикл развития кочевых империй от зарождения и достижения могущества до стагнации, упадка и гибели. После эпохальных миграций в завершение глобального цикла кочевой мир неизменно возвращался в раздробленное состояние, характеризующееся чаще всего межплеменным противостоянием. Подтверждение глобального цикла дает история развития кочевых империй хуннов, древних тюрков, монголов Чингисхана.

Тема тюркского кочевого мира не исчерпывается лишь этими периодами. Она продолжилась эпохой регенерации мусульманского мира и развитием взаимоотношений Руси с ордынскими государствами средневековья. Но и изучение древних тюркских кочевых империй позволяет понять природу тюркского кочевого возрождения и выделить основные черты. Оно детерминировано особыми факторами, характерными для кочевых обществ Евразии, в том числе для тюркских этносов, союзов племен и кочевых империй.

Итак, выделенные нами факторы тюркского кочевого возрождения следующие:

1. Кочевой способ хозяйствования, жестко привязывавший кочевые общества к ландшафтам аридных зон (базовый, хозяйственный фактор).

2. Экология кочевания: особенности ландшафта и климатические условия, регулирующие площадь пастбищных угодий (динамический фактор).

3. Мозаичность этноса: родовая структура (скрепляющий фактор).

4. Социально-политическая организация: внутриродовые и межплеменные отношения, а также ведущая роль вождества (имперский фактор).

При наличии всех четырех факторов тюркское кочевничество обречено на прохождение большого круга циклического развития по схеме кочевого возрождения: возникновение государственного образования или вождества – подъем – расцвет – могущество – стагнация – распад – гибель. По этой схеме шло развитие всех тюркских кочевых империй, каганатов.

Действие только первых трех факторов возрождения обеспечивает мало конфликтное продвижение кочевого общества по внутреннему и внешнему кругу кочевания. Для этого варианта характерна консолидация в союзы племен (например, родовые союзы онгутов, татар, меркитов, кыпчакские родовые союзы, Казахское ханство и др.). Союзы племен более устойчивы во времени, нежели обширные по территории тюркские каганаты и империи, и нередко проходят все стадии этногенеза, вступают в инерционную фазу, обскурацию, затем племена претерпевают регенерацию и входят в новые этнические образования.

А вот наличие лишь двух первых факторов оставляет за племенами, родами и отдельными семьями только внутренний круг кочевания на летние пастбища по весне и обратно на зимние стоянки по осени. Но и этого немало. Два эти фактора – способ хозяйствования (кочевое скотоводство) и экология (ландшафт и климат) из года в год питали кочевые семьи и возрождали племена, из века в век, из тысячелетия в тысячелетие поддерживали кочевую тюркскую цивилизацию. Всякий раз, когда наступал упадок в империи и гибели государства, разбитые племена скрывались в предгорных ущельях и долинах с остатками скота, подбирали новые пастбища и, если позволял климат, скот рос в стада, табуны, с ним рос народ, крепло племя, вновь становился сильным род. И опять возникали союзы племен и кочевые империи, опять кочевники шли покорять новые земли.

ЛИТЕРАТУРА

1 Bundt Ch., Heiland G., Lang H. et al. Wo ist «vorn». Sinn und Unsinn entwicklungs-politischen Eingreifens bei Ostafrikanischen Hirtennomaden // Sociologus. Zeitschrift für empirische Ethnozoologie und Ethnopsychologie. 1979. Jahrgang 29. Heft 7. S. 21–59; Hüssel L. Sahel-Ranching in Westafrika // Veröffentlichungen des Museums für Völkerkunde zu Leipzig. 1981. Heft 33. S. 141–150; Cant G. Perception and Environment: The World of the Pastoral Nomads // New Zealand of Geography. 1984. №77. P. 7–10.

- 2 Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 451 с.
- 3 Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 604 с.
- 4 Nicolle D., McBride A. The Mamluks 1250–1517. Osprey Publishing, 1993. 48 P.
- 5 Гумилев Л.Н. Хунну. Срединная Азия в древние времена. М.: Изд-во восточной литературы, 1960. 292 с.
- 6 Неру Дж. Взгляд на всемирную историю. М.: Прогресс, 1977. Т. I. 228 с.
- 7 Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М.: Наука, 1967. С. 5.
- 8 Цит. по: Конрад Н.И. Запад и Восток. М.: Наука, 1966. С. 76–77.
- 9 Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности номадного общества. Алматы: Социнвест – М.: Горизонт, 1995. 320 с.
- 10 Радченко Г.Ф. Страны Сахеля: состояние природной зоны и проблемы развития сельского хозяйства. М.: Мысль, 1983. 261 с.
- 11 Barth F. Nomads of South Persia. The Basseri Tribe of the Khamseh Confederacy. Oslo: Universe tetsforlaget, 1964. P. 123; Sweet L.E. Camel Pastoralism in North Arabia and the Minimal Camping Unit. In: Man, Culture and Animals. 1965. P. 137; Paine R. Animals as Capital: Comparisons among Northern Nomadic Herders and Hunters // Anthropological Quarterly. 1971. Vol. 44. №3. P. 161; Swidler N. Adaptive Piocessos Regulating Nomad-Sedentary Interaction in the Middle East. In: The Desert and the Sown. 1973. P. 23–24.
- 12 Lattimore O. Inner Asian Frontiers of China. N.Y.: American Geographical Society, 1940; Bacon E., Obok. A. Study of Social Structure of Eurasia. N.Y.: Wenner-Gren foundation for anthropological research, 1958; Krader L. Social Organization of the Mongol-Turkic Pastoral Nomads. The Hague: Mouton, 1963; Марков Г.Е. Кочевники Азии. М.: Изд-во МГУ, 1976. 320 с.
- 13 Хазанов А.М. Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. М.: Наука, 1975. 342 с.
- 14 Крадин Н.Н. Кочевники Евразии. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 416 с.
- 15 Тортика А.А., Михеев В.К., Куртиев Р.И. Некоторые эколого-демографические и социальные аспекты истории кочевых обществ // Этнографическое обозрение. 1994. №1. С. 49–62.
- 16 Таскин В.С. Скотоводство у сюнну по китайским источникам. Сб.: Вопросы истории и историографии Китая. М.: Изд-во восточной литературы, 1968. С. 41.
- 17 Марковска Д. Процесс урбанизации в современной Монголии. Сб: The Second International Congress of Mongolists. Улан-Батор, 1973. Т. 3. С. 290.

- 18 Гумилев Л.Н. Хунны в Китае: Три века войны Китая со степными народами. М.: Наука, 1974. С. 9.
- 19 Валиханов Ч.Ч. Записка о судебной реформе. Собрание сочинений. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985. Т. 4. С. 81.
- 20 Гумилев Л.Н. По поводу «единой» географии (Ландшафт и этнос: VI) // Вестник Ленинградского государственного университета. 1967. №6. С. 120–129.
- 21 Barfield T. The Hsiung-nu Imperial Confederacy: Organization and Foreign Policy // *Journal of Asian Studies*. 1981. XLI (1). P. 45–61; Крадин Н.Н. Империя Хунну. Владивосток: Дальнаука, 1996. 240 с.
- 22 Плано Карпини Дж. История Монгалов. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Гильома Рубрука. Алматы: Гылым, 1993. 248 с.
- 23 Нагель Т. Тимур-завоеватель и исламский мир позднего средневековья. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. С. 17.
- 24 Рашид ад-Дин. Джамии ат-Таварих (Сборник летописей). М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1946. Т. 3.
- 25 Гумилев Л.Н. Изменение климата и миграции кочевников // *Природа*. 1972. №4. С. 44–52.
- 26 Abel-Remusat J.P. *Recherches sur les langues tartars*. Paris, 1820, 326–327.
- 27 Shiratori K. *Sinologische Beiträge zur Geschichte der Türk-Völker*. II. Über die Sprache der Hiungnu und der Tunghu-Stämme // *Известия Императорской академии наук*. 1902. Т. XVII. №2.
- 28 Shiratori K. *Über die Sprache der Hiungnu und der Tanghu – Stamme*. // *Bulletin de l'Academie Imperiale des Sciences de S.-Petersburg*. 1902. V Serie. Bd. XVII. №2.
- 29 Ramstedt M.G.S. *Über der Ursprung der türkischen Sprache*. Helsinki, 1937. S. 81–91; Castren M.A. *Ethnologische Vorlesungen über die altaischen Völker*. St. Peterburg, 1857. S. 35–36.
- 30 Ligeti L. *Mots de civilisation de Haute Asie en transcription chinoise* // *Acta Orientalia*. 1950. S. 141–149.
- 31 Гумилев Л.Н. Словарь этнонимов / В кн.: История народа хунну. М.: Эксмо, 2008. С. 258.
- 32 Владимирцов Б.Я. Чингис-хан. Берлин-Петербург-Москва: Изд-во З.И. Гржебина. 1922. 176 с.
- 33 Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Л-д: Издание Ленинградского Восточного института, 1929. С. 33.

34 Макшеев А. Описание низовьев Сыр-Дарьи. СПб., 1856. 75 с.; Завалишин И. Описание Западной Сибири. М., 1867. Т. 3. 145 с.; Маев Н.А. Очерки истории киргизского народа с 1732 по 1868 гг. // Туркестанские ведомости. 1871. №3; Топографический очерк Туркестанского края. Орография и гидрография края / Русский Туркестан. Сб., изданный по поводу политехнической выставки. М., 1872. Вып. 1. С. 7–115; Балицкий Ю. Заметки о кочевом населении в Верненском уезде // Туркестанские ведомости. 1873. №6.

35 Красовский М. Область сибирских киргизов. СПб., 1868. Ч. I–III.

36 Мацкевич Н.Н. Сравнительная длина кочевков казахского населения б. Семипалатинской губернии // Записки Семипалатинского отдела Общества изучения Казахстана. 1929. Т. 1. Вып. XVIII. С. 1–33.

37 Гумилев Л.Н. Хунны в Китае / В кн.: История народа хунну. М.: Эксмо, 2008. С. 311–312.

38 Валиханов Ч.Ч. Киргизское родословие. Собрание сочинений. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985. Т. 2. С. 150–151.

39 Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И.В., Алексеенко А.Н., Баратова Г.С. История Казахстана. Народы и культуры. Алматы: Дайк-Пресс, 2000. С. 72–83.

40 Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей: от древности к Новому времени. СПб.: Петербургское востоковедение, 2009. 424 с.

41 Грязнов М.П. Этапы развития хозяйства скотоводческих племен Казахстана и Южной Сибири в эпоху бронзы // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. 1957. Вып. 26. С. 21–28; Боголюбовский С.Н. Происхождение и преобразование домашних животных. М.: Советская наука, 1959. 593 с.; Руденко С.И. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках // Материалы по этнографии Географического общества СССР. 1961. Вып. 1. С. 2–15; Акишев К.А., Байпаков К.М. Вопросы археологии Казахстана. Алма-Ата: Мектеп, 1979. 160 с.

42 Тверитинова А.С. Младотурки и пантюркизм // Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР. 1956. Т. 22. С. 70.

REFERENCES

1 Bundt Ch., Heiland G., Lang H. et al. *Sociologus. Zeitschrift fur empirische Ethnozoologie und Ethnopsychologie*, **1979**, 7, 21–59; Hüssel L. *Veroffentlichungen des Museums fur Volkerkunde zu Leipzig*, **1981**, 33, 141–150; Cant G. *New Zealand of Geography*, **1984**, 77, 7–10.

2 Malov S.E. *Teksty i issledovanija*, M.-L.: Izd-vo AN SSSR, **1951**, 451 (in Russ.).

- 3 Hazanov A.M. *Kochevniki i vneshnij mir*, Almaty: Dajk-Press, **2002**, 604 (in Russ.).
- 4 Nicolle D., McBride A. *The Mamluks 1250–1517*, Osprey Publishing, **1993**, 48.
- 5 Gumilev L.N. *Hunnu. Sredinnaja Azija v drevnie vremena*, M.: Izd-vo vostochnoj literatury, **1960**, 292 (in Russ.).
- 6 Neru Dzh. *Vzglyad na vseмирnuju istoriju*, M.: Progress, **1977**, I, 228 (in Russ.).
- 7 Gumilev L.N. *Drevnie tjurki*, M.: Nauka, **1967**, 5 (in Russ.).
- 8 Konrad N.I. *Zapad i Vostok*, M.: Nauka, **1966**, 76–77 (in Russ.).
- 9 Masanov N.Je. *Kochevaja civilizacija kazahov: osnovy zhiznedejatel'nosti nomadnogo obshhestva*, Almaty: Socinvest – M.: Gorizont, **1995**, 320 (in Russ.).
- 10 Radchenko G.F. *Strany Sahelja: sostojanie prirodnoj zony i problemy razvitija sel'skogo hozjajstva*, M.: Mysl, **1983**, 261 (in Russ.).
- 11 Barth F. *Nomads of South Persia*, Oslo: Universe tetsforlaget, **1964**, 123; Sweet L.E. *Camel Pastoralism in North Arabia and the Minimal Camping Unit*, In: *Man, Culture and Animals*, **1965**, 137; Paine R. *Anthropological Quarterly*, **1971**, 44, 3, 161; Swidler N. *Adaptive Pioscessos Regulating Nomad-Sedentary Interaction in the Middle East*, In: *The Desert and the Sown*, **1973**, 23–24.
- 12 Lattimore O. *Inner Asian Frontiers of China*, N.Y.: American Geographical Society, **1940**; Bacon E., Obok. A. *Study of Social Structure of Eurasia*, N.Y.: Wenner-Gren foundation for anthropological research, **1958**; Krader L. *Social Organization of the Mongol-Turkic Pastoral Nomads*, The Hague: Mouton, **1963**; Markov G.E. *Kochevniki Azii*, M.: Izd-vo MGU, **1976**, 320 (in Russ.).
- 13 Hazanov A.M. *Social'naja istorija skifov. Osnovnye problemy razvitija drevnih kochevnikov evrazijskih stepej*, M.: Nauka, **1975**, 342 (in Russ.).
- 14 Kradin N.N. *Kochevniki Evrazii*, Almaty: Dajk-Press, **2007**, 416 (in Russ.).
- 15 Tortika A.A., Miheev V.K., Kurtiev R.I. *Jetnograficheskoe obozrenie*, **1994**, 1, 49–62 (in Russ.).
- 16 Taskin V.S. *Skotovodstvo u sjunnu po kitajskim istochnikam*, M.: Izdatel'stvo vostochnoj literatury, **1968**, 41 (in Russ.).
- 17 Markovska D. *Process urbanizacii v sovremennoj Mongolii*, The Second International Congress of Mongolists. Ulan-Bator, **1973**, 3, 290 (in Russ.).
- 18 Gumilev L.N. *Hunny v Kitae: Tri veka vojny Kitaja so stepnymi narodami*, M.: Nauka, **1974**, 9 (in Russ.).
- 19 Valihanov Ch.Ch. *Sobranie sochinenij*. Alma-Ata: Glavnaja redakcija Kazahskoj sovetskoj jenciklopedii, **1985**, 4, 81 (in Russ.).

- 20 Gumilev L.N. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta*, **1967**, 6, 120–129 (in Russ.).
- 21 Barfield T. *Journal of Asian Studies*, **1981**, *XLI* (1), 45–61; Kradin N.N. *Imperija Hunnu*, Vladivostok: Dal'nauka, **1996**, 240 (in Russ.).
- 22 Plano Karpini Dzh. *Istorija Mongalov. Puteshestvija v vostochnye strany Plano Karpini i Gil'oma Rubruka*, Almaty: Gylym, **1993**, 248 (in Russ.).
- 23 Nagel T. *Timur-zavoevatel' i islamskij mir pozdnego srednevekov'ja*, Rostov-na-Donu: Feniks, **1997**, 17 (in Russ.).
- 24 Rashid ad-Din. *Dzhami at-Tavarih (Sbornik letopisej)*, M.-L.: Izd-vo AN SSSR, **1946**, 3 (in Russ.).
- 25 Gumilev L.N. *Priroda*, **1972**, 4, 44–52 (in Russ.).
- 26 Abel-Remusat J.P. *Recherches sur les langues tartars*, Paris, **1820**, 326–327.
- 27 Shiratori K. *Izvestija Imperatorskoj akademii nauk*, **1902**, *XVII*, 2.
- 28 Shiratori K. *Bulletin de l'Academie Imperiale des Sciences de S.-Petersburg*, **1902**, V, *XVII*, 2.
- 29 Ramstedt M.G.S. *Uber der Ursprung der turkischen Sprache*, Helsinki, **1937**, 81–91; Castren M.A. *Ethnologische Vorlesungen uber die altaischen Volker*, St. Peterburg, **1857**, 35–36.
- 30 Ligeti L. *Acta Orientalia*, **1950**, 141–149.
- 31 Gumilev L.N. *Slovar' jetnonimov*, M.: Jeksmo, **2008**, 258 (in Russ.).
- 32 Vladimircov B.Ja. *Chingis-han*, Berlin-Peterburg-Moskva: Izd-vo Z.I. Grzhebina, **1922**, 176 (in Russ.).
- 33 Vladimircov B.Ja. *Sravnitel'naja grammatika mongol'skogo pis'mennogo jazyka i halhaskogo narechija*, L-d: Izdanie Leningradskogo Vostochnogo instituta, **1929**, 33 (in Russ.).
- 34 Maksheev A. *Opisanie nizov'ev Syr-Dar'I*, SPb., **1856**. 75; Zavalishin I. *Opisanie Zapadnoj Sibiri*, M., **1867**, 3, 145 (in Russ.); Maev N.A. *Turkestanskije vedomosti*, **1871**, 3 (in Russ.); *Topograficheskij ocherk Turkestanskogo kraja. Orografija i gidrografija kraja*, Russkij Turkestan, M., **1872**, 1, 7–115 (in Russ.); Balickij Ju. *Turkestanskije vedomosti*, 1873, 6 (in Russ.).
- 35 Krasovskij M. *Oblast' sibirskih kirgizov*, SPb., **1868**, I–III (in Russ.).
- 36 Mackevich N.N. *Zapiski Semipalatinskogo otdela Obshestva izuchenija Kazahstana*, **1929**, 1, *XVIII*, 1–33 (in Russ.).
- 37 Gumilev L.N. *Hunny v Kitae*, M.: Jeksmo, **2008**, 311–312 (in Russ.).

38 Valihanov Ch.Ch. *Sobranie sochinenij*. Alma-Ata: Glavnaja redakcija Kazahskoj sovetskoj jenciklopedii, **1985**, 2,150-151 (in Russ.).

39 Masanov N.Je., Abylhozhin Zh.B., Erofeeva I.V., Alekseenko A.N., Baratova G.S. *Istorija Kazahstana. Narody i kul'tury*, Almaty: Dajk-Press, **2000**, 72–83 (in Russ.).

40 Kljashtornyj S.G., Sultanov T.I. *Gosudarstva i narody Evrazijskih stepej: ot drevnosti k Novomu vremeni*, SPb.: Peterburgskoe vostokovedenie, **2009**, 424 (in Russ.).

41 Grjaznov M.P. *Kratkie soobshhenija Instituta jetnografii AN SSSR*, **1957**, 26, 21–28 (in Russ.); Bogoljubskij S.N. *Proishozhdenie i preobrazovanie domashnih zivotnyh*, M.: Sovetskaja nauka, **1959**, 593 (in Russ.); Rudenko S.I. *K voprosu o formah skotovodcheskogo hozjajstva i o kochevnikah*, **1961**, 1, 2–15 (in Russ.); Akishev K.A., Bajpakov K.M. *Voprosy arheologii Kazahstana*, Alma-Ata: Mektep, 1979, 160 (in Russ.).

42 Tveritina A.S. *Kratkie soobshhenija Instituta vostokovedenija AN SSSR*, **1956**, 22, 70 (in Russ.).

Резюме

Сыдықов Е.Б., Құрманбаева Ш.А., Құрманбаев Е.А.

(*Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана қ.,

**Қазақ инновациялық гуманитарлық-заң университеті, Семей қ.)

ЕУРАЗИЯНЫҢ ТҮРІК КӨШПЕЛІ ҚОҒАМДАРЫ ДАМУЫНЫҢ АЙНАЛМАЛЫЛЫҚ ДЕҢГЕЙЛЕРІ

Ежелгі және орта ғасырларда көшпелі еуразиялық даланың айналмалы даму факторлары мен кезеңдері қарастырылған. Дала ландшафтарын игеру ең алдымен екі негізгі фактормен бөлінеді: көшпелілерді аридтік аймақтардың ландшафтарына байлап қойған шаруашылық жүргізудің көшпелі тәсілі (мал шаруашылығы) және жайылымдық жерлердің ауданын реттейтін климаттық жағдайлар. Жайылымдар лимиті көшпелілерді көшіп жүрудің ішкі шеңберінен тыс шығуға мәжбүр етті және сонда өзге факторлар әрекет ете бастады: ру құрылымын бекітетін этностың теңбілділігі және ру қарым-қатынастарына сүйенетін ерекше әлеуметтік-саяси ұйым. Түрік көшпелілері тайпалар одақтарына бірікті, жаңа жерлерді жаулап алды, көшпелі империяларды құрды. Даму көшпелі қайта өркендеу сұлбасы бойынша үлкен айналымнан өтуге әкеп соқтырды:

мемлекеттік құрылымның туындауы – көтерілу – өркендеу – құдыреттілік, ал сосын – тоқырау – құлдырау – апат болу. Осы сұлба бойынша барлық түрік көшпелі империялардың, қағанаттардың эволюциясы жүрді. Көшпелі тайпалар соңында өсім лимитіне жеткен кезде, көшіп жүрудің сыртқы шеңберіне қайта шығу, билік жүргізу мен өркендеудің кезеңдерін басынан қайта өткеру үшін көшіп жүрудің ішкі шеңберіне, ал сосын – құлдырау мен абыройсыздықтың ұзақ ғасырларына қайтып оралды,

Тірек сөздер: еуразия даласы, ежелгі түріктер, көшіп жүрудің факторлары мен кезеңдері.

Summary

Y. B. Sydykov, Sh.A. Kurmanbayeva, Y.A. Kurmanbayev

(*L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana,

**Kazakh Humanitarian Juridical Innovative University, Semey)

LEVELS OF THE DEVELOPMENT CYCLICITY OF THE TURKIC NOMADS OF EURASIA

The factors and stages of the development cyclicity of the nomad communities in the Eurasian steppes in the Ancient and Middle Ages were considered. Reclaiming of the steppe landscapes was primarily determined by two key factors: nomadic economic management (cattle breeding) that tied the nomads to the landscapes of arid areas, and landscapes peculiarities and climatic conditions, regulating the area of pasture land. The limited pasture made the nomads to go beyond the internal area of nomadism, and at that point, other factors came into force: ethnos mosaic binding the generic structure, and specific social and political organisation based on the tribal relations. The nomad Turks united in tribal alliances, conquered new lands, established nomad empires. Development was fated to pass through the big cycle by the nomad revival scheme: appearance of state formation – raise – explosion – might, and further – stagnation – dissipation – ruin. All Turkic nomad empires and khaganates followed this scheme in course of their evolution. Nomad tribes returned to the internal circle of nomadism so that afterwards, having achieved the growth limit, emerge back to the external circle of nomadism, live out all the periods of absolute power and prosperity again, and then go through the same long centuries of decline and ingloriousness.

Keywords: Steppes of Eurasia. Ancient Turks. Factors and cycles of nomadism.

Поступила 24.10.2013 г.